

Экпч

517
Рисун 891

М. КАЛИНИН

**О ПАРТИЙНО-
МАССОВОЙ
РАБОТЕ**

ОГИЗ · ГОСПОЛИТИЗДАТ · 1943

М. КАЛИНИН

О ПАРТИЙНО-
МАССОВОЙ
РАБОТЕ

Государственное издательство
политической литературы

1943

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПАРТИЙНО-МАССОВОЙ РАБОТЫ ¹

Товарищи! Я не собираюсь делать вам инструктивный доклад, а коснусь лишь некоторых вопросов партийно-массовой работы.

Мы много слышим разговоров о партийно-массовой работе. Все о ней говорят, а если копнуть поглубже, то увидим, что достаточной ясности и определённости, конкретного понимания этого вопроса у многих нет. В сложнейших условиях современной войны, в особенности имея в виду, что тысячи новых работников выдвинулись к руководству партийными организациями на предприятиях и в учреждениях, стали пропагандистами и агитаторами, перед нами стоит задача умело использовать богатейший опыт нашей партии в постановке и проведении политической работы в массах.

Что такое партийно-массовая работа? Что значит иметь связь с массами? А ведь именно это мы особенно и ценим в нашей политической работе.

Надо сказать, что связь-то с массами может быть самая разнообразная.

Ну, скажем, иметь широкий круг знакомства, ходить в гости друг к другу, и, будучи в гостях, можно, конечно, кое-что узнать из того, что делается на заводе, в среде рабочих, в учреждении. Это ведь тоже связь с людьми.

Панибратство в обращении с рабочими. Ходит, скажем, парторг или профорг по цехам, рабочих по плечу похлопывает, называет даже по именам. А в дело не вникает, на недостатках внимание рабочих не останавливает. О таком секретаре парткома или парторге можно иногда услышать: «Вот как близко к массам стоит человек, рабочего по плечу хлопает, Иваном Петровичем называет, свой парень».

Плестись в хвосте за массами—это тоже «связь» с массами. Тебе жалуются на то, на другое, а ты поддакиваешь, вместе плачешь в жилетку. Тебе поют, а ты подтягиваешь: «Да, света нет, холодно, действительно продуктов маловато». Случится какая-либо

¹ Речь на совещании партийных работников предприятий города Москвы 21 апреля 1942 года.

неполадка на предприятии или в учреждении, и ты ходишь и подпеваешь: «Ах, чорт побери, что за бюрократы, вот в какое безвыходное положение поставили!» А к тебе прислушиваются, и это кое-кому, пожалуй, может вначале и нравиться.

Но о такой ли связи с массами мы, большевики, думаем? Нет, конечно. Итти с массами туда, куда идут массы, увлекаемые иногда отсталыми элементами,—это меньшевистская линия. Наша большевистская линия—вести массы, не опекать, но вести вперёд за сознательным авангардом.

А как вести массы?

Прежде чем ответить на это, я задам вам другой вопрос: кто может вести массы? К этому призваны коммунисты. Коммунистическая партия ведёт массы и неплохо ведёт. В доказательство этого можно привести бесконечное множество примеров. И первый пример—война. Несмотря на неудачи первых месяцев войны, вызванные главным образом внезапностью, неожиданностью нападения, можно смело сказать, что народ ни на минуту не поколебался в уверенности в своём правительстве, а следовательно, и в партии. Это факт.

Здесь собрались партийные руководители. Хотите вы этого или не хотите, а на местах вы являетесь вожаками масс. Как же иначе, какой же это секретарь парткома, в лице которого народ не чувствовал бы политического руководителя! Секретарь парткома—это ответственнейшее лицо на предприятии, в учреждении, в районе.

Но что требуется от секретаря партийной организации, чтобы он имел действительное влияние на массы, чтобы массы к нему прислушивались, чтобы они ему верили? Само собой разумеется, что партийный руководитель, пропагандист, агитатор должен быть человеком идейным, глубоко преданным коммунистической партии, должен хотя бы в общих чертах знать историю нашей партии и понимать задачи, которые наша партия ставит перед рабочим классом, народом. Партийный руководитель, пропагандист по уровню своего политического развития должен быть во всяком случае не ниже других, ему не мешает иметь и определённую общекультурную подготовку. Как же подходить партийному работнику к массам?

Первое. Как мне представляется на основании собственного многолетнего опыта, требуется, чтобы партийный руководитель не был гордецом, зазнайкой. Если вы в разговоре с рабочими или рядовыми партийцами хоть каким-нибудь жестом, интонацией голоса, незначительной, случайной, казалось бы, фразой дадите понять, что вы считаете себя умнее их, больше знаете, то вы пропали. Рабочий и вообще рядовой человек не любит людей, которые себя высоко ставят, и прислушиваться к ним не будет, а в подходящий момент и крепко им об этом напомнит. Поэтому коммунисты прежде всего не должны быть гордецами, зазнайками и не должны

забывать слов, сказанных товарищем Сталиным на совещании стахановцев в ноябре 1935 года: «Стало быть, мы, руководители партии и правительства, должны не только учить рабочих, но и учиться у них. Что вы, члены настоящего совещания, кое-чему поучились здесь, на совещании, у руководителей нашего правительства,—этого я не стану отрицать. Но нельзя отрицать и того, что и мы, руководители правительства, многому поучились у вас, у стахановцев, у членов настоящего совещания. Так вот, спасибо вам, товарищи, за учёбу, большое спасибо!»

Итак, мы пришли к тому, что агитатор должен быть скромным; особенно этим качеством должен обладать партийный работник, имеющий, так сказать, партийно-административную власть, секретарь партийной организации. Если он хочет пользоваться любовью рабочих, он должен воспитать в себе качество скромности, не зазнаваться. Верно я говорю? (*Голоса:* «Правильно, правильно!») Кто хочет быть руководителем, должен за собой следить.

Второе. Не годится, когда пропагандист, руководитель в общении с массами пропитан духом поучения. Вы, наверное, и сами замечали, что когда оратор только и знает, что говорит: нужно то-то да то-то, мы должны да мы обязаны,—как-то неприятно даже становится и слушать такого оратора. Когда я пишу статью и по ходу мысли следует сказать, что «надо сделать», мне самому как-то претит это, и я стараюсь заменить такую формулировку. Совсем другое дело, когда свою мысль, обращение, призыв ты выражаешь путём рассуждения, анализа, путём доказательства необходимости того или иного мероприятия. Можно ведь обратиться к аудитории, как бы советуясь с ней: «Как вы думаете, если так сделать», «Мне кажется, что так разрешить вопрос было бы лучше», «Я бы поступил в данном случае таким-то образом». Тогда это будет и воспринято иначе.

Мы говорим в данном случае о выступлениях на узких собраниях, на производственных совещаниях, при проведении бесед. Разумеется, на тысячных митингах форма выступления будет иной: там каждая фраза должна быть короткой, строго очерчена, там трудно прибегать к форме собеседования. В вашей же повседневной работе чаще всего требуется вызвать на обсуждение, на разговор самих рабочих, и тут такая форма—«Как думаете, как вам кажется»—будет более приемлема. Весьма ценно раскатать людей, вызвать их на обмен мнениями, чтобы они высказывались. Тогда собрание пройдёт оживлённо, рабочие будут охотно говорить и польза от такого собрания будет бесспорная. А то ведь иногда бывает как раньше на молитве. Оратор сам по себе, аудитория сама по себе; отсидели положенное время—и разошлись.

Не бойтесь отступать от плана своего выступления или собе-

седования. Говорите о производстве или войне, а подвернулся другой вопрос, на который народ откликнулся,—ничего, мимо проходить не надо. Раз людей расшевелили и они откликнулись, то уж дальше все слушать будут и намеченные вопросы сумеете обсудить.

Самое же главное—никогда не увиливайте от постановки острых вопросов, к чему некоторые ораторы частенько прибегают. Ни в каком случае к этому не прибегайте, не уклоняйтесь от ответа, не смазывайте поставленных вопросов. Если не можете тут же ответить на тот или иной вопрос, прямо и скажите: «Вопрос интересный и важный, я бы на него с удовольствием ответил, но сейчас к нему не подготовлен, он мной не продуман, затрудняюсь, как на него ответить. Я выясню, посоветуюсь с товарищами и тогда вам отвечу. А может быть, из вас найдётся кто-нибудь, кто может этот вопрос разъяснить?» Это будет совершенно другое дело. А у нас любят иногда обходить злободневные вопросы или разъяснять их так, что люди ничего не поймут и прямого, правдивого ответа не получают.

Партийному руководителю следует быть абсолютно честным в отношении других людей. Секретарь парторганизации—это партийное око. Не знаю, вполне ли вы это сознаёте. Поэтому всякие личные симпатии и антипатии по отношению к людям должны быть отведены в сторону. Если есть люди, которым вы по тем или иным причинам не совсем симпатизируете, то вы должны это так глубоко спрятать в себе, чтобы никто об этом и не догадался. Плохо будет, если заметят, что вы не беспристрастны в своих отношениях к людям.

Бывает ведь иногда так, что середнячок всё помалкивает да держится в сторонке, но работает хорошо, а другой и неважно работает, но часто ходит в партком, фабзавком, в комсомольскую организацию, всегда на виду—и его выдвигают. Это не годится. Если секретарь парткома хочет иметь авторитет, он должен быть чист в глазах масс. Это не значит, что он не может иметь более близких, личных отношений с определёнными людьми. Нет, конечно. Но в своих общественных отношениях он должен быть беспристрастен ко всем людям. Он должен поставить себя так: «Ты мой дружок, это очень хорошо, но если ты небрежно относишься к работе, погуливаешь, увиливаешь от производственных заданий, то я с тебя спрошу больше, чем с другого, и сильнее взгрею». Вот как должен подходить к людям секретарь партийной организации.

Во всём надо поступать так, чтобы люди, окружающие тебя, чувствовали твою искренность и честность. Лицемерие от масс никак не скроешь, и поэтому изо всех сил избегайте этого. Массы не обманешь, и если люди заметят, что человек лицемерит, ему никогда больше не будут верить.

Вот если эти качества мы будем в себе воспитывать, то легче тогда будет и работать.

А теперь поставим вопрос, каким образом надо подходить к партийно-массовой работе, как проводить её, как ставить перед массами те или иные вопросы. Все вопросы надо ставить по-партийному, подходить ко всему партийно.

Вот проводится подписка на заём. Ясно, что на месячный оклад в настоящее время все подпишутся. И я как агитатор прямо и сказал бы рабочим: «Теперь на заём в размере месячного заработка люди подпишутся даже и с невысокой зарплатой. Вы же знаете, какое положение переживает сейчас наше государство. У нас большая армия, огромные расходы, государству нужны деньги, их нужно откуда-то брать. Или идти на инфляцию или нужно помочь государству и дать деньги в виде займов. Только так можно вести войну, другого выхода нет». На это могут сказать: «Но нам-то жить тяжело». — «Потому и тяжело, потому и хлеб продаётся по карточкам, что война. А если бы было много хлеба, много тканей, одежды, обуви и прочих товаров, то мы не стали бы и заём проводить, а просто открыли бы магазины, наполнили бы их товарами — и деньги бы потекли. Потому заём и проводится, что не хватает денег, потребительских товаров, что производятся снаряды, вооружение, что товары идут на нужды армии, войны».

Товаров мало не только у нас, их нет и в других странах, в особенности в фашистских или ограбленных немецкими фашистами странах. И вот тут-то и следует развить положение, что мы в этом меньше всего повинны, что на нас напали; следует разъяснить империалистическую сущность войны гитлеровской Германии. Можно прямо спросить рабочих: «Что же, вы хотите, чтобы нас побили?» Но я знаю, что вы боитесь даже произнести это слово. А я бы не один раз переспросил того, кто плохо подписывается: «Что же, ты хочешь, чтобы нас побили?» Тут одно из двух: или нас побьют или нужно пожалеться. Возьмите пример с ленинградцев: какие они трудности переносят и как они героически держатся. Так надо ставить вопросы перед трудящимися, это будет партийная постановка.

На одном большом заводе, выступая перед рабочими, я прямо так и сказал, что государство от нас требует, чтобы мы поменьше потребляли и побольше производили; резко поставил вопрос и объяснил, что не потому мы этого хотим, чтобы рабочие, служащие у нас недоедали, а только потому, что товаров у нас сейчас меньше, нужды фронта большие, а враг нажимает. Не бойтесь резко ставить вопросы, лишь бы это было правильно, по-партийному.

Если на заводе знают, что вы не любите лицемерить, не увильваете, не зазнаётесь, то ваши слова дойдут до сознания каждого.

Иначе вам не поверят и скажут: «Знаем тебя, нам-то ты советуешь, а сам думаешь другое и поступаешь не так, как говоришь». В лицо, может быть, этого и не скажут, но потихоньку, конечно, говорить станут.

В чём сейчас состоит задача партийной пропаганды и агитации? В том, чтобы массы на каждом шагу чувствовали, что у коммунистической партии нет своих каких-то особых интересов, что она отстаивает интересы пролетариата, всего народа в целом. И сейчас именно такой момент, когда преобладание интересов целого над частным обнаруживается удивительно ярко и наглядно, понятно всякому даже малограмотному человеку, даже ребёнку понятно. Всякий сейчас сознаёт, что интересы народа превалируют над личными, групповыми.

Идёт жестокая война, фашисты чинят неслыханные зверства. Надо сказать об этом и спросить каждого, что он думает, как он хочет участвовать в общем деле. «Вот что требует от тебя целое, что требует партия. Если мы разобьём врага, то у тебя всё будет, а если не разобьём, то и ты погибнешь. Но разбить врага можно только при условии, если мы бросим на войну все свои силы, материальные и людские». Если так выступить перед любым собранием и честно изложить всё это, то ручаюсь, что во всяком случае 99, если не все 100, выскажутся за необходимость пойти на любые жертвы, лишь бы разбить врага. Может быть, какой-нибудь человечиска и будет против, враги ещё имеются, но это будут единицы, отщепенцы, оставшиеся от старого мира. Мы должны научить людей беззаветной работе на пользу целого. В этом сейчас задача коммунистов.

Отмечается очень важное явление: что сейчас в партию идут больше, чем в мирное время, и на фронте вступают в члены партии больше, чем в тылу, в районах, более близких к фронту, — больше, чем в районах, отдалённых от него. (*Голоса*: «Правильно!») А почему это так? Потому что все чувствуют, что надо усилить партию. Все знают, что наша партия — руководитель, что только могучая, сильная партия может обеспечить народу победу. И когда красноармеец видит, что он будет участником тяжёлого боя, он подаёт заявление о вступлении в партию, желая идти в бой коммунистом. Это великая сила нашей партии, Советского государства. Массы хорошо знают, что у них один путь с партией.

В фашистской Германии имеются массовые организации. Гитлер опутал массы, придавил и принизил их, а мы массы развиваем, поднимаем их сознание.

Здесь говорили, что пропагандисты и агитаторы идут навстречу запросам отдельных рабочих и помогают им. Это неплохо. Должен сказать, что когда чем-нибудь можно помочь и помогают

людям, то это хорошо, это хорошая черта в человеке. У женщин это лучше выходит, чем у мужчин. Но тут следует опять-таки разъяснить связь частных запросов с общими нашими задачами. Пришёл человек за чем-нибудь, ему надо помочь и вместе с тем сказать: «Вот тебе партийная организация или профсоюз помогают, для тебя делают, но мы хотим, чтобы и ты, когда дело дойдёт до тебя, не стоял в стороне, а вместе со всеми поднимал общее дело». Эту линию нужно выдержать и проводить во всей нашей массовой работе.

Говорили здесь о читке газет, что она проходит скучновато. Надо признаться, что часто это бывает не читка, а какая-то опека над рабочими. Мне сдаётся, что не всегда удобно и полезно выдвигать постоянных читчиков. Если бы я был секретарём заводской партийной организации, то поступил бы так: пришёл во время обеденного перерыва к рабочим и спросил бы, есть ли желающие послушать чтение газет. Конечно, такие бы нашлись. Тогда я спросил бы: «А кто хочет почитать?» Читать газету могут у нас многие, и желающие безусловно найдутся. В эту группу рабочих я послал бы, однако, опытного, культурного рабочего, чтобы он затеял разговор и помог разъяснить прочитанное. Это будет и естественнее, и легче будет нащупать интересующие рабочих вопросы. Конечно, человека надо посылать культурного, с тактом. Ручаюсь, что при таком методе собеседования читки будут проходить оживлённее и будут пользоваться успехом.

Лет 40 тому назад я сам был читчиком. В моём нелегальном кружке было человек 15. Если бы я только читал, то дело бы не пошло. Сама читка занимала тогда минут 15—20, а затем шло обсуждение. Спрашиваю: «Как, поняли то-то и то-то?»—«Нет, не поняли».—«Ну, давайте разберёмся». И начинается собеседование: проходит час, полтора и больше. Пока я читал, слушатели не спали, поскольку знали, что после чтения начнётся обсуждение. Так вот, товарищи, не так-то просто быть агитатором. А читка—это уже почти пропагандистская работа, и это дело нужно ставить умело, продуманно. Если беседчик-читчик не умеет заинтересовать слушателей, а слушатели знают, что он вами заранее подготовлен, ну какой тут может получиться обмен мнениями? Слушатели такие читки будут воспринимать, как школьные занятия, нечто вроде прежнего закона божьего.

В каждой газетной статье можно за что-нибудь зацепиться, чтобы свести разговор к общеполитическим вопросам. И я считаю, что лучше пусть читает кто-нибудь из самих рабочих и ещё лучше—по очереди, а работники, которых вы выделите для участия в группах, пусть помогают вести беседу, разъясняют, что будет непонятно.

Слушая выступавших здесь товарищей, не чувствовалось, чтобы вы проявили инициативу и выдвинули производственные вопросы. Может быть, вы стеснялись, это возможно.

Какие же производственные задачи стоят перед нами, кроме тех общих задач, которые вам хорошо известны? Я бы поставил, например, как одну из важных задач,—это сбор лома. Не по фабрикам и не по квартирам, а, скажем, сколько у нас по Московской области разбросано одних только осколков от снарядов. Почему не поставить перед московским комсомолом задачу—собрать этот лом? В области на полях и в лесах лежат разбитые самолёты и много другого металлического лома. Я считаю, что легко можно собрать не менее 10 000 тонн лома, это беря очень скромно. А это ведь даст большую пользу. Для этого необходимо, конечно, провести соответствующую агитацию, разъяснить ребятам, как нужен стране металл, ознакомить их с порядком сбора и сдачи лома. Собственно, вряд ли и агитировать много придётся, и так всё достаточно ясно, лишь сумеете организовать дело практически.

Хотелось бы мне остановиться и на вопросе об огородах. Из выступавших здесь товарищей ни один не коснулся этого вопроса, а ведь это большой вопрос. Агитатор должен не только агитировать за огороды, но и помочь организовать это дело, следить, чтобы на коллективные огороды зря людей не гоняли, чтобы каждый трудодень был полновесным, заполненным производительной работой. В этом деле партийным и профсоюзным работникам вместе с хозяйственниками надо провести большую организационную работу.

Меня очень удивило вот какое обстоятельство на нашем совещании. В газетах изо дня в день говорится о стахановском движении; здесь же собрались секретари партийных организаций, некоторые из них чуть ли не отчёты о своей работе дали, а о стахановском движении никто не упомянул, забыли. И, мне кажется, не случайно забыли о стахановском движении. Освещение в газетах стахановского движения бьёт иногда не в ту сторону, куда следует. Рекламируются только тысячники, двухтысячники, а спрашивается: много ли у нас таких? Поэтому-то вы и не говорили о стахановском движении. У вас в стенгазетах по преимуществу тоже, вероятно, только о тысячниках говорится.

К этому вопросу можно подойти с двух сторон. Можно сказать так: что же, у вас на фабрике или на заводе директор, главный инженер и вся администрация ничего не понимают, что у них люди долгое время работали по такой норме, которую разумный, честный человек мог перевыполнить на тысячу процентов? Видимо, до сих пор люди очень плохо работали или вовсе ничего не делали. Ведь если человек на заводе без введения

всяких приспособлений и нововведений перевыполняет норму на тысячу процентов, то директора и главного инженера такого предприятия нужно отдать под суд, потому что у них на предприятии расхищаются государственные средства. Я сам работал лет 25—27 токарем на заводе, да и вы все с заводов и понимаете, что такое тысячник.

Настоящим тысячником может быть только тот, кто ввёл в процесс своей работы какое-либо усовершенствование, техническое улучшение. Ну, скажем, вы пришивали пуговицы руками, а потом стали пришивать машинным способом. Конечно, выработка должна во много раз увеличиться. Или в процесс работы введено какое-либо другое рационализаторское предложение, отчего выработка быстро поднимается. Стахановское движение и не мыслится без внесения рационализации в рабочий процесс. Но вот об этом-то и не говорят, этого и не показывают.

Говоря о тысячниках, нужно сказать, что такой-то человек на таком-то заводе внёс разумное рационализаторское предложение, что и дало такой-то производственный эффект. Гораздо важнее рассказать, как пришли к такому-то результату, чем без конца повторять слово «тысячник». И надо, чтобы все на заводе следили за всяким нововведением и чтобы оно проникало в другие цехи. И если рационализатором оказался слесарь, станочник или рабочий другой профессии, то следует спросить: а как этому помогли заводские инженеры, конструкторы? Всё это показывает, сколько у нас ещё отсталости в постановке этого важнейшего дела по пропаганде рационализации, внедрению нововведений, развитию соревнования. Если бы так помещать статьи о тысячниках, то это было бы большой помощью делу рационализации.

Но в чём главная беда? Беда в том, что мы забываем среднего, рядового рабочего. Скажите: если бы все те рабочие, которые сейчас ещё не выполняют норм, стали бы выполнять свои нормы, на сколько бы тогда увеличилось производство? Скажите вы, опытные люди? (*Голоса:* «На 10—15—20%»). Вот видите. Так вот, если бы нам удалось увеличить производительность труда всех рабочих, — именно всех рабочих, только на 10%, сколько бы это дало пользы, какой бы это был рост промышленного производства! Но этого добиться труднее, чем дать отдельные рекорды. Какое-нибудь небольшое изобретение сделать или рационализаторское предложение ввести — это очень важно, но это — не всё и не самое трудное. Вот на токарном станке можно резать винтики вручную — сделаешь 20 штук, а на автомате 5000 можно сделать. Но это ещё не решает дело.

Стахановское движение подразумевает улучшение методов работы, её облегчение путём введения различных приспособлений.

Это новаторство не может очень широко охватить людей, потому что тут многое зависит от отдельного человека, от его индивидуальных способностей, изобретательности его мысли. Но его надо подталкивать и развивать, в особенности это должны делать цеховые инженеры и конструкторы, которым по обязанности это положено.

Стахановское движение, однако, не должно затемнять, уменьшать роль социалистического соревнования рядовых людей, которое может дать многое; решают успех производства средние, рядовые люди. Вы же, товарищи, прямо скажу, к рядовым людям относитесь небрежно. Вы почаще вспоминайте о том, что подтягивание производительности труда середняков на какие-нибудь 10%—это огромное дело, и за это надо вести повседневную агитацию. К этому следует привлечь внимание инженеров, особенно инженеров-партийцев, которых у нас немало в таких больших городах, как Москва. В печати стахановское движение надо показывать таким, каким оно должно быть. Рационализаторские достижения следует пропагандировать и показывать, а главное—внедрять в производство, но ими не следует отгораживаться от важности задачи добиться достижений средних рабочих. Средняк-рабочий увеличивает производительность своей работы, не внося изменений в технический процесс, он увеличивает интенсивность, быстроту, ловкость в работе. Следовало бы собрать таких середняков-рабочих, особенно пожилых, старых производственников, и хорошенько потолковать с ними об увеличении выработки изделий. Это сильно бы сказалось на общем балансе работы завода, и эффект был бы большой.

Усиленно советую вам обратить больше внимания на середняков, выдвигать их, показывать их работу в заводских стенгазетах. Рабочий в течение двух лет давал, скажем, только 80—90% нормы, а во время войны стал давать 100—105%. Его нужно выдвинуть, его работу показать. Почему? Да потому, что таких рабочих тысячи. И вы поднимете на щит растущего середняка, рядового рабочего, который вам регулярно даёт перевыполнение на 3—5%. О нём в газете статейку напишите, поместите его портрет. И тогда рядом с ним стоящий за станком рабочий подумает: «А что же я-то, хуже него, что ли? 3—5% лишних я и сам смогу дать, тогда и мой портрет будет фигурировать в газете».

Так поднимается массовое соревнование, потому что оно будет идти на возможной для всех основе. И это окажет действительно большую помощь производству. Часто это называют стахановским движением, а по существу это настоящее социалистическое соревнование, ударничество, от которого никак нельзя отказываться,

его надо уметь только использовать, и мне бы очень хотелось, чтобы вы его использовали и развили. На дело надо смотреть реалистически, шумиха нам не нужна, а нужна реальная польза, а это означает поднять среднюю норму выработки.

Здесь ставили вопрос относительно работы с новыми рабочими. Это очень важная и трудная работа. В чём тут трудность?

Прежде всего, когда новый рабочий—а сейчас на производство по преимуществу идут женщины—приходит впервые на предприятие, то его на первых порах ошарашивает, несколько даже пугает необычность заводской обстановки. И только поработав с полгода на заводе, он начинает его любить. Я это помню по себе. На заводе дисциплина, а у нас люди, в особенности молодёжь, привыкли к вольнице. Надо помочь вновь прибывшим рабочим втянуться в производство, привыкнуть к заводской дисциплине и порядку, и, с другой стороны, нужно разъяснить, чтобы люди поняли, что хотя на первых порах и тяжело, но потом слюбится и от завода человека не оторвать. Надо всё сделать для того, чтобы новые люди на заводе полюбили свою работу, побыстрее освоили свою профессию и подняли квалификацию. Поэтому производственно-техническая помощь новым рабочим и внимание партийных и профсоюзных организаций к вопросу привлечения, втягивания новых рабочих в повседневную жизнь коллектива должны, мне кажется, стоять как важнейшие задачи. Очень важно знать людей, знать, какой контингент пришёл на завод, и в соответствии с этим ставить свою работу.

В нашем распоряжении имеется сейчас исключительно убедительный довод—война. Надо разъяснить пришедшей на заводы молодёжи, что она пришла сюда не для игры, не для баловства, а пришла на самый боевой фронт, почти на такой же, как и военный. Это один из самых сильных наших доводов. С новыми контингентами рабочей молодёжи на предприятиях придётся поработать не только комсомолу, но и партийным организациям.

От новых рабочих кадров, от женщин, молодёжи будет очень многое зависеть в современной трудной обстановке. Нужно новым рабочим привить дисциплину, сознание общепролетарских интересов. Проводить партийно-массовую работу среди них надо повседневно и умело, однако не следует действовать на них только наставлениями, а надо их самих заинтересовать и вовлечь в общественную работу.

Вот, собственно, и всё, что я хотел вам сказать. Разрешите пожелать, чтобы наша беседа оказала хоть небольшую помощь в вашей работе.

О ЛИЧНОМ ПРИМЕРЕ ОТВАГИ КОММУНИСТОВ¹

Когда задаёшься вопросом, что главное в агитационной работе на фронте, ответ может быть только один: *главное—это личный пример отваги и доблести, овладения военной техникой, главное—это умелая и самоотверженная боевая работа наших агитаторов, политработников, всех коммунистов.*

Наши агитаторы, политработники, комиссары—это лицо партии в Красной Армии. Красноармейцы на фронте не могут изучать партийную программу, историю большевистской партии. Они познают большевистские традиции в действиях, в практической работе и в поведении комиссаров, политработников, агитаторов. Через этот канал преломляется понимание партии, познание партии широкой красноармейской массой.

В ходе войны армейские партийные организации непрерывно пополняются, растут. И чем острее положение на фронте, чем сильнее и ожесточеннее борьба, тем больше красноармейцев и командиров входит в ряды партии. Уже один этот факт, что наш народ — а каждый красноармеец — это сын народа, а вся красноармейская масса — это теперь самая жизнедеятельная часть населения, — уже один этот факт; что наш народ, чувствуя опасность нависшую над страной, и самые напряжённые моменты борьбы теснее сплачивается вокруг партии, пополняет её ряды, говорит об огромном авторитете нашей партии.

Этот авторитет среди широких народных масс партия завоевала десятилетиями самоотверженной, беззаветной борьбы за народные интересы. Этот авторитет партии создавали и растили её основатели Ленин и Сталин и другие деятели партии.

До момента прихода коммунистов к власти принадлежность к партии означала переход на трудный жизненный путь, чреватый всеми неприятностями, лишениями, арестами, тюрьмой, ссылкой.

¹См. расширенную программу выступления на совещании агитаторов Ленинского фронта, часть ПНО и Московского гарнизона 22 июля 1942 года.

Но люди шли на всё, ибо их воодушевляла идея коммунизма, их воодушевляла уверенность в победе рабочего класса, и поэтому, когда партия несла жертвы, это ещё больше сплачивало её ряды, ибо её члены были уверены в своей правоте, в том, что делают полезное, необходимое для народа дело.

Как царизм ни зверствовал, как он ни расправлялся с большевиками, всегда из народа, в особенности из рабочего класса, выходили всё новые и новые борцы, вступившие в коммунистическую партию, не страшась трудности борьбы, не страшась потери собственной жизни во имя идеи, во имя победы дела народа. На этой основе наша партия росла, выковывалась, совершенствовалась, воспитала значительное количество беззаветно преданных борцов, выдвинула из их среды гениальных вождей и, в конце концов, сломила врага, завоевала победу.

Двадцать с лишним лет наши люди жили в обстановке мирного строительства, привыкли к достижениям. Ну как не привыкнуть, как не увлекаться этим! Сегодня проведена железная дорога, завтра прорыт канал, послезавтра построено великолепное здание,—не было недели, чтобы не появлялись результаты трудов человеческих рук. Вы сами знаете, как человек увлекается, когда он видит, что благодаря его работе созданы великолепные творения и что он сам участвовал в этом. Естественно, что за эти годы у некоторых наших людей появились благодушие, самоуспокоенность.

И вот на двадцать четвёртом году существования советской власти мы снова вступили в полосу боёв, которые навязала нам гитлеровская Германия. Немцы хотят поработить нашу страну, ликвидировать советскую власть, истребить наш народ. Грозная опасность нависла над нашей родиной. Перед народом, перед нашей партией, перед государством стоит задача—разбить врага, спасти советскую страну от порабощения, спасти советскую власть от гибели.

Разбить врага—трудная задача. Нам нельзя преуменьшать силу немцев, они сильны и организованны. Чтобы победить, ещё понадобится много усилий и жертв от армии и народа. Много жертв наша партия, наш народ уже принесли. В этой жестокой борьбе может ли хоть один коммунист сказать: «Да минет меня чаша сия»? Я прямо скажу, если вы знаете такого коммуниста, который так думает, это не коммунист, а дрянь, трус, вошедший в партию, чтобы использовать преимущества принадлежности к правящей партии.

Коммунист никогда не отстраняется от боя с врагами. Он, конечно, ищет лучшей тактической обстановки, он стремится занять лучшие тактические позиции, но *когда началась драка, коммунист дерётся упорно, бесстрашно, дерётся до последней возможности.*

Наша партия—самая боевая, она всегда проповедывала беспощадную борьбу с врагами народа, она на практике провела эту борьбу до победы социалистического строя, став в огне боёв единственной любимой народом партией. И когда теперь, в самые острые моменты ожесточённой борьбы, боец говорит перед атакой—«я хочу идти в бой коммунистом»,—это значит, что наши бойцы, весь советский народ видят в партии самый боевой, самый неустрашимый отряд в борьбе за родину.

Знамя коммунистической партии—это знамя бесстрашия, самоотверженной и беспощадной борьбы, не знающей колебания, не ведающей сомнения в победе. Именно потому, что коммунисты не отстраняются от борьбы, а верны традициям большевизма, решительно и смело идут на борьбу,—именно поэтому они и ведут массы за собой.

Бесстрашие в борьбе за дело народа, дело Ленина—Сталина—это первейшее качество коммуниста. Если он вошёл в партию, если является её членом,—он должен знать, что ему придётся быть в самых решающих местах смертельной схватки, бороться без усталости, упорно, самоотверженно, не щадя своей жизни во имя победы. Жизнь мы не играем. Жизнь дорога каждому из нас, но раз борьба началась, значит для того, чтобы победить, ничего нельзя пожалеть, нельзя жалеть и самой жизни.

Партия, родина, народ выше и дороже всего. Клятва, произнесённая товарищем Сталиным в 1929 году, «я готов и впредь отдать делу рабочего класса... все свои силы, все свои способности и, если понадобится, всю свою кровь, каплю за каплей»—эта клятва должна служить примером для каждого коммуниста, для каждого воина. И в лице коммунистов-воинов народ, армия, красноармейские массы должны видеть, прежде всего, эти лучшие черты нашей партии, бесстрашие и стойкость в борьбе, т. е. понимание, что идейность—выше всего, что раз я коммунист, то для меня идея большевизма, интересы народа—выше моей жизни.

Это—первое, что требуется от коммуниста для того, чтобы слово его было авторитетным, веским, находило путь к сердцу бойца, воспитывало и зажигало массы.

Но бесстрашие и храбрость коммунистов, особенно командиров и политработников, не должны быть юношеским задором. От них требуется не только храбрость. В политработнике красноармейские массы привыкли видеть агитатора, руководителя, который учит, что должен делать красноармеец, как должен делать, и своим примером показывает путь к успеху на поле боя.

Спрашивают порой: как лучше агитировать? Я с трудом отвечаю на такой вопрос. *Велико значение умного, сильного слова агитатора на поле боя, когда оно сочетается с боевой деятельностью.*

Если ротный командир, политрук на опыте покажут, что они умеют разумно использовать всё своё вооружение, искусно, ловко наносить удары врагу,—каждое их слово, призывающее к борьбе, будет находить самый живой отклик. *Успешная боевая работа—стержень успешной агитации.* Запомните это раз и навсегда.

Один агитатор, командир батарея, говорил здесь, что он чувствует, как нравятся его слова людям, как воодушевляет людей его агитация. Дело тут совсем не в том, что этот командир подыскал красивые слова, хорошо говорит. Речи его нравятся бойцам, ибо они видят, что батарея хорошо стреляет, крепко бьёт врага, и любят поэтому командира. Он будет наказывать провинившихся бойцов, держать самую строгую дисциплину, и всё равно бойцы будут любить его. «Строг наш начальник,—скажут бойцы,—но зато как стреляет, как немцев бьёт!»

Поскольку батарея этого командира наносит сильные удары по врагу, поскольку этот командир умеет воевать, бойцы будут прислушиваться к каждому его слову, он будет для них авторитетнейшим человеком. Если же ты растяпа, безрукий человек—можешь сколько угодно говорить красивых слов, сколько угодно потакать красноармейцам, но авторитетом пользоваться не будешь. Ведь красноармеец прекрасно понимает, что если сегодня начальник потакает подчинённому, то завтра за это потакание придётся расплачиваться кровью.

Вот почему я считаю, что *воинское умение в сочетании с ясным пониманием задач нашей борьбы—это главное для агитаторов.* Когда взводный командир, например, сумел по-настоящему дисциплинировать свой взвод, сделать его исключительно стойким, когда он показал на деле, что умеет наносить врагу жестокие удары с меньшими потерями, чем у врага, ручаюсь, что, как только он возьмёт слово, красноармейцы скажут в один голос: «Надо послушать командира, уж больно он хорошо командует».

Задача агитаторов на фронте состоит, следовательно, в том, чтобы воспитывать и учить людей личным примером доблести и отваги, страстным большевистским словом, смелой и прямой постановкой вопросов, а главным образом, примерной боевой работой.

Некоторые товарищи ещё не понимают этого, что сказывается, прежде всего, на свойственной таким агитаторам привычке во всех случаях жизни уговаривать людей. Дело доходит до того, что даже отдача приказа кое-где сопровождается уговариванием. Эти люди забывают, что самая строгая, железная дисциплина это основа, святая святых армии. Агитация же должна помогать укреплять эту дисциплину. Живое, большевистское слово агитатора играет неоценимую роль в сплочении наших боевых рядов. Но было бы

совершенно неправильно и глубоко вредно сводить всё только к одной агитации, оставляя в тени дисциплину, воинский порядок, боевой приказ.

Сила армии—в строжайшей, крепкой дисциплине. *Приказ, распоряжение командира—это в любых условиях закон для бойца, закон, от которого никаких отступлений быть не должно.* Всякий, кто допускает те или иные отклонения от правил нашего воинского распорядка, нарушает дисциплину, должен подвергаться суровейшему наказанию. *И одна из основных задач наших агитаторов состоит в том, чтобы изо дня в день всё более укреплять воинский порядок, умело и настойчиво воспитывать бойцов в духе сознания ответственности за выполнение воинского долга, в духе железной дисциплины.*

Надо, чтобы с первого же дня своего пребывания в части человек понимал, что отныне нет у него иной жизненной цели, как борьба с врагом, нет для него другого закона, кроме приказа командира. Война есть война, она не терпит никакого самовольничания, и если человек нарушает дисциплину, он должен сурово караться.

В своей агитации мы должны прежде всего стремиться к тому, чтобы сделать второй натурой бойца навыки дисциплинированности, стремление во что бы то ни стало полностью и до конца выполнить любой приказ командира, какие бы трудности ни стояли на пути. В этом—один из залогов победы.

Командир всегда должен чувствовать себя командиром. Его всегда должны встречать так, как положено встречать командира, и лишь после того, как он скажет—«вольно, давайте поговорим»,—начинается товарищеская беседа. А если он огласил приказ и вместо того, чтобы немедленно приступить к делу, начнёт разглагольствовать, это будет не агитация, а дребедень, только размагничивающая людей. Дисциплина всегда и везде должна быть на первом плане. Правила воинского распорядка всегда и везде должны быть незыблемы, нерушимы.

Вопросы дальнейшего повышения стойкости наших бойцов, естественно, находятся в центре внимания агитаторов. Но было бы наивным думать, что стойкость могут родить только одни слова, как бы правильны и хороши они ни были. *Стойкость вырабатывается прежде всего боем, активными боевыми действиями по уничтожению живой силы и техники врага.* Разумеется, мы никогда не упускаем из виду, что *стойкость вырабатывается также высоким большевистским воспитанием бойца.*

Весь исторический путь нашей партии полон самой ожесточённой, беспощадной борьбы с врагами. Борьба и только борьба растила и укрепляла нашу партию, борьба и только борьба выко-

вала беспримерную большевистскую стойкость. Без борьбы нет подлинной стойкости. Как бы мы ни агитировали, какие бы большие таланты ни проявляли в области агитации о стойкости, но если люди месяцами не видят врага, не сражаются,—самые прекрасные слова о стойкости становятся для них пустым звуком. Высокую стойкость рождают только активные боевые действия, когда бойцы приучены наступать и бить врага, когда люди постоянно испытываются в опасностях.

На ряде фронтов сейчас не происходит особенно значительных событий. Но можно ли думать, что стабилизация на том или ином фронте позволяет предаться здесь ленивому покою? Конечно, нет. Стабилизация не значит—оружие подмышку, лёг и глаза закрыл, а охранение—пусть там охраняет. Такая стабилизация только разлагает. Оборона должна быть активной. И в обороне нужно всё время тормозить врага, непрерывно наносить ему удары. И в обороне, на каком бы второстепенном, на первый взгляд, участке дело ни происходило, никогда нельзя давать немцам спуска, нельзя отдавать им и пяди земли. Если, положим, где-нибудь немцам удалось потеснить наших хоть на немного, нужно во что бы то ни стало вышибить обратно врага.

Так вот, товарищи, если хотите повышать стойкость бойцов, вы не должны спускать немцам ни одного нахального поступка. Тогда будет возрастать наша стойкость и уменьшаться стойкость врага. Нет слов: боевая активность связана с жертвами. Но война невозможна без жертв и даром победу получить нельзя. Если части нужно разгромить немцев, захватить дзот, проучить врага и нанести ему урон,—это должно быть сделано во что бы то ни стало.

Много у нас говорят о ненависти к врагу. Но одних слов здесь мало. *Бой, беспощадный бой с врагом—вот что развивает ненависть к врагу.* Если часть раз десять подерётся с немцами, поверьте моей совести, ненависть у красноармейцев к немцам будет такой, какая нужна.

Агитатор должен прямо поставить вопрос перед бойцом, находящимся на передней линии: если ты за целую неделю не убил ни одного немца,—значит ты плохо выполняешь свой долг перед родиной, значит ты слабо борешься за нашу победу. Ставьте практически вопрос перед людьми: «Если вы ничего не делаете, кто же будет за вас делать?» Надо, чтобы каждый боец понимал: если он сам ничего не делает для истребления шпигеровцев,—за него это никто не сделает. Надо, чтобы каждый боец понимал, что судьба родины, исход борьбы решаются его оружием, его стойкостью, его боевой активностью.

* *

*

Вот уже скоро двадцать пять лет, как наша партия стоит у власти. Теперь каждому ясно, что быть большевиком—значит нести на своих плечах наибольшую тяжесть испытаний. Воодушевлённые идеями Ленина—Сталина, воодушевлённые сознанием правоты и благородства нашего дела, нашей борьбы, армейские большевики, агитаторы должны, не сгибаясь, пройти через все невзгоды и испытания военного времени, вместе с массами, во главе масс, выковыывая победу над проклятыми немецко-фашистскими захватчиками!

СЛОВО АГИТАТОРА НА ФРОНТЕ ¹

Каждый агитатор стремится проводить задушевные беседы. Что же такое задушевность? Я знаю, что часто агитаторы идут к бойцам с преднамеренной целью—поговорить с ними по душам. И вот уже одно то, что агитатор заранее ставит перед собой такую цель, делает беседу незадушевной. А если бы агитатор зашёл к бойцам чайку попить, затеял с ними разговор о том, о сём, а затем затронул какой-нибудь интересующий их вопрос, вот тогда беседа приняла бы действительно непринуждённый характер.

Другой пример. Если человек провинился и вы отчески пожурили его, прочитали нотацию, а потом сказали: «Ну, ладно, об этом я никому не скажу, но имей в виду, что если провинишься ещё, то я уже скрыть не могу»,—вот это тоже будет задушевность. Когда же человек приходит со специальной целью поговорить задушевно, это почти никогда не удаётся.

Говоря о непринуждённой беседе, я имею в виду, что люди ничем не связаны, спрашивают вас обо всём, что их интересует, и не чувствуют, что агитатор пришёл к ним с определённой целью. Известно, что у агитаторов есть много заданий по специальной тематике, и их тоже нужно выполнять. Но в непринуждённой беседе, о которой мы говорим, тема всплывёт как бы произвольно.

Надо стремиться к тому, чтобы вызвать людей на обмен мнениями, натолкнуть их на спор, с тем чтобы вы были вроде судьи, устанавливали, кто из них прав.

Непринуждённость не означает, что беседу не надо направлять. Направлять надо, но делать это следует так, чтобы люди не чувствовали, что вы пришли к ним с определённым заданием.

Но будет вполне законно, если вы, придя к бойцам, скажете: «Сегодня я пришёл провести беседу на такую-то тему». Ведь нельзя же всю агитационную работу строить на одних неприну-

¹ Сокращённая стенограмма беседы с агитаторами-фронтовиками и фронтисейс в апреле 1943 года.

ждённых беседах. Однако, на какую бы тему ни пришлось говорить, вы должны бить в одну точку: нам нужно разбить немцев, а для этого сделать всё возможное и невозможное.

Сама форма беседы зависит от обстановки. Если аудитория большая, то беседа может принять форму лекции или митинга. Если вы пришли в блиндаж, можете построить беседу в виде ответов на вопросы. Если же хотите, чтобы у бойцов по какому-либо вопросу осталось более цельное впечатление, можете ограничить себя только этим вопросом и предупредить слушателей, что разговаривать с ними будете только на эту тему, а о других вопросах поговорите потом.

Хочу обратить ваше внимание на то, что агитатор должен опасаться выставлять себя более знающим, более умным, чем окружающая его масса. У меня многолетний опыт пропагандиста и агитатора, и я знаю, что если люди хоть чуть-чуть заметят, что агитатор гордится, считает себя умнее их, то такой агитатор пропал, не будет к нему доверия. С красноармейцами вам надо разговаривать как с людьми, которые всё понимают. А если кто-нибудь из них скажет, что он не понимает чего-либо, то вы всегда ему можете возразить: «Что ты прикидываешься, разве у тебя вместо головы кочан капусты? Я вижу, что ты всё понимаешь не хуже меня, а просто хитришь». Нельзя относиться к людям пренебрежительно. Пусть про бойца говорят: «Он тумак, ничего не знает», а вы скажите: «Знаем мы этих тумачков, посмотрите-ка ещё, какой боец из него выйдет. Вы-то уже побыли на фронте, научились, ну и он таким же будет». Вот если вы будете так подходить к людям, то они к вам будут относиться с уважением.

Вам многое могут простить, но зазнайства никогда не простят, а главное—умным считать не будут. Вот вы, например, узнали, что боец на фронте уже давно, а ещё не убил ни одного немца. К этому факту можно подойти по-разному. Один агитатор значёт бойца укорять, другой напечт, что вот другие убили уже по нескольку человек. А я бы сказал примерно так: «Что ж, каждый красноармеец, пожалуй, и не может убить немца; если бы убивали все, так мы давно бы всех немцев перебили. Но всё-таки лучше, если бы все бойцы убивали. Война есть война. Немцы хотят нас уничтожить, а мы их. Поэтому каждому бойцу надо стремиться во что бы то ни стало убить врага».

Агитатору нужно быть правдивым. Не рисуйте бойцам розовых картинок, показывайте действительность такой, какой она есть, не бойтесь показывать трудности, ведь вы имеете дело со взрослыми, понимающими людьми.

Самое трудное в агитационной работе—научиться говорить как следует. На первый взгляд кажется: что тут мудрёного, ведь

человек с двух лет начинает говорить! На самом деле это — большое и трудное дело. В чём же тут трудность?

Агитатор должен передать свою мысль ярко, чтобы она произвела впечатление и именно такое, какого хочет агитатор. В то же время вы должны изложить мысль коротко, потому что у вас мало времени. Мысль должна быть ясной для слушателей и понятной каждому из них. Всё это очень трудно.

Языку надо учиться у классиков. Возьмите Тургенева. Где вы найдёте такое, как у него, описание внешности героев его произведений? Пусть предложат каждому из вас описать хотя бы свою жену. Найдёте вы для этого нужные слова? Не каждый это сумеет сделать, хотя знает близкого человека очень хорошо. Напишут общие слова. Но ведь от агитатора требуется большее: нужно, чтобы описание получалось у него красочным.

Язык для агитатора — это всё. Вы разговариваете с бойцами об известных им вещах. Следовательно, вы только тогда заинтересуете их, если расскажете об этих вещах хорошо и ярко. Я не употребляю слово «красиво», потому что у нас часто увлекаются фразами, думая, что это очень хорошо, а на самом деле очень скверно сыпать трафаретными фразами. Я знаю агитаторов, которые могут говорить часа по три, но после их выступлений у слушателей в голове ничего не остаётся, кроме отдельных выкриков, потому что мысли в выступлениях не было. А перед вами бойцы, простые люди, которые прошли с боями тысячи километров, видели много тяжёлого, так что им общие да ещё пышные фразы — нож к горлу. Им надо, чтобы агитатор ясно и коротко излагал определённые мысли. Причём хорошие мысли никогда не мешает повторить. Ничего, если вам, например, скажут: «Что это ты всё про окапывание заладил?» А вы на это ответьте: «До тех пор буду вам говорить об этом, пока вы окопы не научитесь рыть; жалко мне ваших голов, если они зря погибнут».

Агитатор должен быть развитым человеком. Ему надо много читать и много над собой работать. Я бы сказал, что всё свободное время агитатор должен уделять чтению. Читайте произведения наших писателей-классиков. Читайте произведения Ленина и Сталина. Учитесь вести агитацию по-сталински. Товарищ Сталин — очень хороший агитатор. Как он умеет говорить с народом!

Готовиться к беседам нужно всегда, даже если агитатор хорошо образован, начитан и знаком с военным делом. Ведь наши знания все таки ограничены, и поэтому каждый раз надо основательно готовиться, используя свои знания с максимальной пользой. Поэтому я за то, чтобы почаще проводить тематические беседы, так как они дают больше знаний и дисциплинируют людей. Но когда почувствуешь, что тематика приелась, что хочется пого-

ворить попросту, тогда идите к бойцам чайку попить и беседуйте с ними по душам, непринуждённо.

Но даже и к непринуждённой беседе нужно быть подготовленным, потому что во время неё вам могут задать целый ряд вопросов. Не увиливайте от ответов и не старайтесь обойти заданный вопрос. Но и не бойтесь, если на какой-нибудь вопрос не сможете ответить. Прямо скажите: «Не знаю, поищу ответ в книгах; если найду, скажу вам».

Иногда спрашивают: «Вот у нас среди бойцов, особенно старших возрастов, ест верующие, которые носят крестики, читают молитвы, а молодёжь поднимает их на смех». Надо помнить, что мы за религию никого не преследуем. Мы считаем её заблуждением и боремся с ней просвещением. Так как религия охватывает ещё значительные слои населения, а некоторые люди глубоко религиозны, то насмешками с ней не поборешься. Конечно, если кто-то из молодёжи посмеётся, то это ещё не так страшно; важно, чтобы насмешки не перешли в издевательство, вот этого допускать нельзя.

На что сейчас агитаторам нужно обратить особое внимание?

Больше всего надо пропагандировать организованность. Как это делать? Возьмём такой простой пример: подошло время обеда, а кухни на месте нет, её надо где-то разыскивать. Если вы такое положение увидели, вот вам и готовая тема для беседы об организованности. Обсудите, как добиться того, чтобы кухня всегда была на своём месте, и как это наладить. На такой беседе неплохо как следует ругнуть расхлябанность, с которой до сих пор ещё нужно бороться. Если бы я был агитатором, так я бы 90% времени употребил на развитие этой темы.

Главный наш недостаток—благодушие. Часто мы ещё беспечны, думаем: «А, ладно, как-нибудь и так обойдётся». Все мы знаем: если часть занимает позицию, то она должна употребить максимум усилий, чтобы её закрепить и удержать, а при наступлении сделать всё, чтобы оно было эффективным и прошло с наименьшим количеством потерь и жертв. А у нас нередко делается с ходу, и в итоге получается плохой результат. Благодушие нужно решительно изгонять.

В первый период войны мы имели много трудностей потому, что не организовывали как следует бой, тогда как именно всё дело в том, что бой нужно организовывать. Все военные работники должны быть великолепными организаторами. Раньше многие командиры думали, что бой надо организовывать на командном пункте. Но это ведь последняя стадия организации. Когда командир во время боя встал на командный пункт, то тут он уже пожинает результаты своей предварительной работы.

Я считаю очень важным прививать бойцам чувство осторож-

ности. Не дело, когда во фронтовой обстановке люди рассаживаются обедать на открытом месте. Упадёт в такое место снаряд и наделает беды. Люди будут убиты, а на их место надо новых ставить. Нужно вам, агитаторам, очень сильно бороться с теми, кто спустя рукава относится к опасности.

Надо вам также агитировать за развитие военной хитрости и умения. Я напираю на слово «хитрость», потому что вы имеете дело с красноармейцами, у которых поле деятельности ограничено. Бойцам надо внушать, что они должны обдумывать свои действия, стараться всё сделать как можно лучше и по возможности объегорить врага. Вот снайперство ценно, между прочим, тем, что оно приучает людей к обдумыванию своих действий, вырабатывает у них, так сказать, охотничьи качества. Снайпер стремится убить противника, а противник—его. Поэтому снайпер должен быть во всеоружии хитрости; ему надо уметь маскироваться, обладать зоркостью глаза, твёрдостью руки. Нужно, чтобы эти качества вырабатывались не только у снайперов, но и у всех наших бойцов.

Обратите внимание на приучиванье бойцов к отрыванию окопов. У нас иногда стремятся избежать этой работы, особенно при наступлении. Бойцы говорят: «Зачем рыть окопы, когда через полчаса они будут не нужны?» А вы им внушайте, что эта работа нужна всегда и что даже если окоп и не понадобится, то это школа, очень нужная при той борьбе, которую мы ведём.

Я считаю также, что вам нужно оказывать больше внимания раненым. Раненые нуждаются в тёплом слове, в участии, и вот тут вы и проявите задушевность. Хорошее отношение раненый боец навсегда запомнит и расскажет об этом в тысяче мест. В результате слово, сказанное потихоньку, разнесётся далеко.

Вы должны воспитывать у красноармейцев уважение к убитым, почёт к ним. Как относятся к умершим в народе? Когда человек умрёт, около него говорят шопотом. Почёт убитым отдавать нужно, и этот порядок должны вводить вы, агитаторы. Я написал председателям исполкомов о том, что все братские могилы должны быть приведены в порядок и нужно это дело поручить пионерам. Вы у себя в частях должны добиваться, чтобы хоронили как полагается, чтобы над могилой холмик насыпали. Конечно, когда армия идёт вперёд, то это не всегда возможно, но ведь агитаторы имеются и во вторых эшелонах. Агитируйте и следите за тем, чтобы красноармейским похоронам придавался по возможности торжественный характер. Это будет оказывать влияние на воспитание людей, будет учить их любви к защитникам родины.

Агитатор всегда должен быть вожаком масс, вести их за

собой. Особенно велика роль агитатора во время боя. Бывает так, что и хорошая часть, понеся большие потери, утрачивает веру в свои силы. В такие моменты агитатор может поднять дух бойцов и добиться перелома в ходе боя.

Агитатор всегда должен оценивать обстановку, взвешивать, среди каких людей ему приходится действовать. Вы имеете дело с бойцами, дисциплинированными людьми, но эти люди несут огромные тягости. Это надо учитывать, как и то, что люди различны по национальности, по возрасту, по характеру. Со всем этим агитатор должен считаться.

ЕДИНАЯ БОЕВАЯ СЕМЬЯ ¹

Товарищи! Я с великим удовольствием встречаюсь с агитаторами Красной Армии—представителями почти всех национальностей СССР, принимающих участие в Великой Отечественной войне.

Война эта тяжела и кровава. Многие семьи за два с лишним года войны понесли потери. Но у нас нет иного выхода, как воевать. Вопрос стоит так: или идти чистить сапоги фашистам, или же драться за свою свободу и независимость.

Когда германские фашисты начинали эту войну, они нас не считали за людей и называли быдлом, скотом. Так они думали раньше. Теперь, после наших ударов, фашисты всё больше начинают разбираться в том, что представляет собою Советский Союз. Раньше они всех наших бойцов считали русскими, а теперь увидели, что бойцы, и притом хорошие бойцы, это не только русские, но и туркмены, и казахи, и узбеки, и азербайджанцы, и т. д. Раньше немцы полагали, что украинцы и белоруссы радостно встретят их и поднимутся против русских. Остальные национальности немцы вообще не принимали в расчёт.

Война показала, что Советский Союз—единая, дружная семья народов, что у нас такая сплочённость, какой мир ещё не видел. Конечно, встречаются ничтожные исключения. Отдельные люди соглашаются работать у немцев старостами или ещё кем-нибудь, но таких единицы, и для такой большой страны, как наша, они не имеют никакого значения. Бойцы всех национальностей, представленных в Красной Армии, беззаветно защищают свою Родину, дерутся замечательно, проявляют величайшее мужество и героизм. Вот этого наши враги никак не ожидали.

У нас воюют все. При царском строе азербайджанцы и

¹ Сокращённая стенограмма беседы с фронтовыми агитаторами, работающими среди бойцов нерусской национальности. Беседа состоялась 4 августа 1943 года.

народы Средней Азии: туркмены, узбеки, казахи, киргизы и другие, не воевали, их в армию не призывали. Царское правительство не доверяло им и не хотело обучать их военному делу. Вы знаете, что если война, с одной стороны, требует от народов больших жертв, то, с другой стороны, она даёт возможность мужскому населению хорошо овладеть оружием. А народ, владеющий оружием, не даст наступить себе на мозоль. Поэтому царское правительство и не допускало в армию представителей этих национальностей, за исключением небольшой кучки кулаков и дворянства, которые были, по существу, агентами царского правительства и проводили его политику.

Советскому правительству незачем так подходить к народам, населяющим нашу территорию. У нас все народы равноправны. И все народы Советского Союза, даже те, которые считались ранее очень отсталыми, теперь участвуют в войне. Я не говорю уж о грузинах, армянах, татарах, которые принимали участие в войнах и при царском строе.

Конечно, приучить население национальных республик и областей к войне, к оружию, к строю было нелёгкой задачей. С этой задачей могла справиться только советская власть.

Мы себя часто называем интернационалистами, но не все понимают, что это значит. Некоторые думают, что если ты называешь себя интернационалистом, то значит не считаешь себя русским, или узбеком, или казахом. Это глупо. Быть интернационалистом—значит уважать каждую национальность, вот в чём дело. Нашим учителем по национальному вопросу является товарищ Сталин, который направляет национальную политику много лет. Ещё до революции он был советником Ленина по этому вопросу. Товарищ Сталин учит нас уважать любую национальность. И вот если ты с уважением относишься ко всем национальностям—значит ты интернационалист, а если ты, к примеру, русский и считаешь, что хорошо только всё русское, то ты руссотяп, а не интернационалист, ты недалёкий человек, не видящий дальше своего носа. Сталинская национальная политика дала возможность поднять все народы нашей страны на Отечественную войну, сталинская политика делает героями все наши народы, открывает дорогу всем талантливым людям нашей страны.

В самом деле, если советский человек, какой бы он ни был национальности, талантлив, то он будет продвигаться всё выше и выше. Вы знаете, как много теперь в Красной Армии прекрасно подготовленных офицеров всех национальностей. Сейчас это лейтенанты, молодые полковники, а через некоторое время они будут и генералами и маршалами. У нас продвижение идёт не по признаку национальности, а по уму, по храбрости. Неумный чело-

век, плохой воин не продвинется, а если человек—боец или офицер—талантлив, умён, хорошо знает своё дело—он поднимется высоко, какой бы национальности он ни был. Этот принцип крепко проводится в жизнь нашим Главным Командованием. Никто не может сказать, что товарищ Сталин отдаёт предпочтение тому или иному народу. Он отец для всех, он одинаково поощряет и взыскивает с тех, кто этого заслуживает, и выдвигает вперёд талантливых людей любой национальности.

Коснусь ещё одного важного вопроса—изучения русского языка бойцами нерусской национальности. Оно крайне необходимо. Без русского языка в армии не обойдёшься. На русском языке составлены наши военные уставы, на нём пишутся боевые приказы, подаются команды. Русский язык служит для общения между всеми народами СССР. Русский язык—язык Ленина. На этом языке обращается к советским людям, Красной Армии наш вождь товарищ Сталин.

На первых порах знание русского языка у бойцов нерусской национальности будет, конечно, довольно ограниченным, и думать, разумеется, они будут на родном языке. И поэтому, если вы захотите передать бойцам что-либо так, чтобы затронуть их, то вы перейдёте на родной язык, и ваши слушатели лучше почувствуют то, что вы им скажете. Родной язык дойдёт до их сердца, передаст им все оттенки вашей мысли. Поэтому изучение русского языка не снимает с агитатора обязанности работать с бойцами нерусской национальности на их родном языке. Русский язык изучайте, но путь к сердцу бойца, особенно на первых порах, прокладывайте на родном языке. И очень хорошо, что агитаторы у нас подбираются из людей тех же национальностей, что и бойцы.

За время войны все наши народы очень выросли. Вот вы рассказывали, что узбеки спрашивают вас, как там у них дома обстоит дело с хлопком. А ведь сейчас хлопок для Узбекистана не является самым главным, хлопок остался главным только в сельском хозяйстве Узбекской республики. Теперь Узбекистан имеет огромную промышленность. За время войны туда переведено много фабрик и заводов, там открылись угольные копи, работают новые гидроэлектростанции. И теперь про Узбекистан уже не скажешь, что он знаменит только виноградом да хлопком, нет. Сейчас это республика с крупной промышленностью. Раньше там почти не было рабочего класса, а сейчас рабочие в Узбекистане исчисляются сотнями тысяч.

Война требует от всех наших национальностей больших жертв—и материальных и людских. С другой стороны, у всех наших народов выковывается стойкость, развивается гражданское чувство, расширяются горизонты, народы вырастают на целую голову и,

можно сказать, выходят на мировую арену. В самом деле, представьте себе, какими вы вернётесь домой, когда мы разобьём немцев. Вы явитесь домой новыми людьми, людьми, я бы сказал, с мировым именем, людьми, сознающими своё непосредственное участие в создании мировой истории.

Выступавшие здесь агитаторы правильно говорили, что нужно к каждой национальности подходить особо, потому что люди каждой национальности жили и живут в различных условиях, а это оставляет отпечаток на самом народе. Например, народы Кавказа и Закавказья с очень большим уважением относятся к оружию, и вручение оружия в торжественной обстановке имеет для них большое значение. У узбеков большим уважением пользуются старики. Национальные обычаи, нравы, быт того или иного народа агитатор обязательно должен учитывать в своей работе.

Однако, я думаю, что есть и общий подход ко всем нашим народам. Вы знаете, что бойцу, который воюет хорошо и разбирается в событиях, агитатору нечего особенно много говорить. А вот бойцу—грузину ли, казаху ли, узбеку ли,—который дерётся плохо или проявляет малодушие, агитатор мог бы сказать примерно так: «Неужели ты хочешь, чтобы мы не участвовали в войне, когда все остальные национальности дерутся, как львы? Разве мы можем остаться в стороне от войны? Неужели ты хочешь, чтобы из-за тебя одного считали, что весь наш народ состоит из малодушных людей? Подумай-ка, разве хорошо будет, если нашу республику станут считать за такую страну, люди которой не могут драться, не способны воевать и защищать себя? Как же мы после этого будем смотреть в глаза другим народам, как же мы будем идти вперёд, развивать свою культуру? Разве ты один на войне? Сейчас все воюют. А что же ты хочешь, не воевать? Хочешь, чтобы нас поработили? Извини, пожалуйста, мы этого не позволим. Лучше уж погибнуть в бою, чем возвратиться домой с клеймом труса или предателя. Война теперь идёт не за какой-либо город или территорию, не за то, что немцы хотят завладеть каким-нибудь пограничным городом, а мы его не отдаём. Война идёт потому, что немцы стремятся обратить нас в рабов и на наших костях построить своё мировое господство. С захваченных ими территорий немцы угнали на германскую каторгу много советских людей. Очень многие из этих людей умерли от голода и непосильной работы. Вот против всего этого мы воюем. Сейчас не скажешь, что война идёт где-то на западе и нас не касается».

Когда с человеком объясняешься на родном языке, можно говорить свободнее, потому что он всё поймёт как нужно. Узбек с узбеками или казах с казахами чувствует себя свободно. И если бойцы вам скажут: «Что ты нам так говоришь и так нас ру-

гаешь?»—то вы можете на это ответить: «Я тоже узбек (или казах), я не менее вашего люблю свой народ, поэтому я так и говорю».

Каждый, в том числе и русские, гордится своей национальностью, да и не может не гордиться; ведь он же сын своего народа! Этот момент очень важен, имеет очень большое значение, и в агитационной работе его надо всегда иметь в виду. Воспитывайте в наших людях советский патриотизм, национальную гордость, напоминайте каждому бойцу о героических традициях его народа, о его прекрасном эпосе, литературе, о великих людях—полководцах и военачальниках, о борцах за освобождение народных масс. Однако ведь только этого мало. Национальную гордость и патриотизм наших людей следует воплощать в боевые дела. У каждого народа есть свои национальные герои. Пусть их станет ещё больше. Идёт война, а она, как известно, рождает героев. Воспитывайте своей работой смелых, мужественных воинов, помогайте выращивать кадры сержантского и офицерского состава Красной Армии из бойцов нерусской национальности.

Народы СССР считают—и вполне правильно считают—русский народ своим старшим братом. Героическое прошлое русского народа, его национальных героев и великих людей мы тоже должны хорошо знать и рассказывать о них бойцам нерусской национальности. Это ещё теснее свяжет все народы нашей страны между собою, укрепит их дружбу.

Дружбу народов следует укреплять не только на фактах и событиях прошлого. На фронте можно встретить много прекраснейших примеров боевой дружбы бойцов различных национальностей. Пропагандируйте эти примеры, делайте их достоянием всех. Вы, агитаторы, можете очень многое сделать в этом направлении.

В настоящее время война приобретает для нас всё более и более благоприятный оборот. Это заслуга наших бойцов всех национальностей. Все наши народы, соревнуясь в героизме, борются с врагом самоотверженно и храбро.

Наша Красная Армия—это единая боевая семья, в которой все народы живут в крепкой, нерушимой дружбе. А дружба народов, как сказал товарищ Сталин, является самым ценным из того, что дала нам большевистская национальная политика. Эта дружба является верным залогом нашей победы над немецко-фашистскими захватчиками.

СОДЕРЖАНИЕ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПАРТИЙНО-МАССОВОЙ РАБОТЫ	3
О ЛИЧНОМ ПРИМЕРЕ ОТВАГИ КОММУНИСТОВ	14
СЛОВО АГИТАТОРА НА ФРОНТЕ	21
ЕДИНАЯ БОЕВАЯ СЕМЬЯ	27

Редактор *Д. Бахшиев*

Подписано к печати 3 ноября 1943 г. А 4306.
Объем 2 п. л. Тираж 100 тыс. экз. Зак. № 1550. Цена 40 коп.

3-я типография «Красный пролетарий» Огиза РСФСР треста «Полиграф-книга». Москва, Краснопролетарская, 16

40 коп.